

ваться в интеграции с мировым опытом в направлении поисков и изучения алмазов. Несмотря на то, что в 50-е гг. XX в. была создана устойчивая легенда, которая живет до сих пор, о том, что алмазные месторождения Якутии были спрогнозированы заранее, на самом деле у отечественных геологов не было ясных теоретических представлений, где искать месторождения алмазов в нашей стране.

История поисков и открытия месторождений алмазов в России свидетельствует, что выдающиеся открытия являются результатом самоотверженного труда геологов-практиков, геологической науки и представляют собой сложный и многотрудный процесс познания генезиса алмазных месторождений, форм их проявления, условий размещения и локализации и, самое главное, развития и совершенствования методологий поисков.

Обобщение отечественного исторического опыта поисков и открытия коренных месторождений алмазов имеет не только научное, но и практическое значение, поскольку по-

иски новых месторождений алмазов продолжают. Поэтому опыт и итоги предыдущей работы геологов-алмазников не должны быть забыты, так как они могут быть востребованы в организации дальнейших поисков алмазных месторождений. Все это позволяет заключить, что необходимость создания обобщающего труда по истории поисков и открытия месторождений алмазов в России представляет собой актуальную научную проблему и может стать предметом специального исследования.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Харьков А.Д., Зинчук Н.Н., Зуев В.М. История алмаза. М., 1997. С. 261-262.
2. Матвеев А.С., Протасов В.Ф. Развитие алмазной промышленности России и эффективность инвестиций. М., 2004. С. 16-17.
3. Шафрановский И.И. Алмазы. М.;Л., 1964. С. 131-136.
4. Кириллин А.Д., Кириллин О.А., Кириллин Г.А. Мировой алмазный рынок. М., 1999. С. 119.
5. Вечерина О.П., Левченко В.А., Никулин А.М. Мировая добыча алмазов. М., 2000. С. 185.

УДК 94(470)''1941/1945'':352/353

Ермолов И.Г.

Тверской институт экономики и менеджмента

СЕЛЬСКИЕ СТАРОСТЫ КАК НИЗШЕЕ ЗВЕНО В СИСТЕМЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ НА ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ РСФСР*

Аннотация. В статье показано, как формировался институт управления сельскими населенными пунктами в годы нацистской оккупации. Проанализирован контингент сельских старост, дана оценка эффективности их работы в интересах оккупантов.

Ключевые слова: староста, оккупация, коллаборационизм, партизаны, гражданское население, община.

I. Ermolov

Tver institute of economy and management
RURAL HEADS AS THE LOWEST LINK
IN THE ADMINISTRATIVE CONTROL SYSTEM
IN THE OCCUPIED TERRITORIES OF
RSFSR

Abstract. The present article shows the process of the formation of the management

* © Ермолов И.Г.

institute of rural settlements in the years of Nazi occupation. In the given paper the contingent of rural heads is analyzed, the estimation of the effectiveness of their work in the interests of the invaders is considered.

Key words: a head, occupation, collaboration, partisans, civilians, community.

До настоящего времени отечественная историческая наука уделяет недостаточно внимания коллаборационизму в сфере управления, в частности, исследованию вопроса о роли сельских старост в установлении и поддержании нужного оккупантам «нового порядка». Тем не менее именно данная категория коллаборационистов решала большой круг вопросов, благодаря чему обеспечивалось относительно нормальное для условий военного времени снабжение германских

армий за счет местного населения. В этой связи изучение данного вопроса важно, так как оккупированная территория РСФСР состояла в основном из сельских населенных пунктов. По сравнению с территориями Украины, где было установлено гражданское управление, и республиками Прибалтики, где оккупационный режим имел некоторые особенности, территория РСФСР относилась к зоне военного управления. Это означало, что власть здесь принадлежала военным: командующим тыловыми районами германских армий, немецким комендатурам – военным и хозяйственным. Однако германская оккупационная администрация не могла решать весь круг вопросов по управлению местным населением, к тому же с провалом «блицкрига» немцам пришлось настраиваться на долговременное сотрудничество с гражданским населением РСФСР.

Одной из первоочередных задач оккупантов стала организация из коренного населения органов местного самоуправления, которые были бы полностью подконтрольны германской военной администрации. С целью создания видимости реставрации дореволюционных институтов управления германская администрация ввела для управления сельской местностью должности старост и волостных старшин.

Первичной административной единицей была сельская община, существовавшая в пределах одной деревни. Членами общины являлись все жители деревни, постоянно в ней проживающие. Во главе ее стоял староста, который формально избирался населением, фактически – назначался германским командованием¹, иногда – районным бургомистром². Выборы старосты проходили на сельском сходе, присутствовали на котором только мужчины, достигшие 18-ти лет. Как правило, никто из избирателей не осмеливался голосовать против кандидатуры, предложенной немцами. В ряде местностей, например, в западной части Орловской области, даже формальных выборов старост не проводилось. В должностной инструкции для бургомистров и волостных старшин указывалось, что «староста назначается и увольняется старшиной»³, который «несет ответственность за правильное назначение»⁴. Партизаны, действовавшие в Калининской области, истолковывали выборность старост нежеланием местных жителей добровольно заступать на эти должности. Согласно одному из партизанских донесений, местные

жители сел Идрицкого района ввиду этого избирали старост помесечно⁵.

Некоторое исключение составляла территория Локотского автономного округа (ЛАО) – административного государственного образования, включавшего 7 районов Орловской и 1 район Курской областей. Здесь сельские старосты выдвигались на всеобщих сходках и избирались всенародным голосованием, причем в большинстве случаев выборы были альтернативными, в отличие от других оккупированных областей, где они носили формальный характер. Даже подпольные комсомольские организации вынуждены были признать наличие в ЛАО элементов республиканского правления, в частности, выборности старост на демократической основе в деревнях округа. Так, согласно отчету секретаря Навлинского райкома ВЛКСМ О. Карповой, составленному не раньше 1 сентября 1942 г., в деревне Думча волостной старшина, проводя собрание по выборам старосты деревни, усиленно пытался протолкнуть на эту должность своего человека. Однако, несмотря на его старания, жители избрали другого, более уважаемого крестьянина [4, 232].

Представляет интерес контингент сельских старост. Для историографии советского периода хрестоматийным стало утверждение, что на ответственных должностях в системе управления состояли в основном уголовники, маргиналы, остатки эксплуататорских классов, в том числе эмигранты. Так, Л.В. Котов указал, что «на руководящие посты в этом аппарате (в органах местного самоуправления – И.Е.) назначались прибывшие в обозе гитлеровской армии белоэмигранты, в том числе члены белогвардейской организации «национально-трудовой союз» (НТС), находившейся на службе у фашистов... Они всячески помогали германской армии... Но советские люди не мыслили свободы своей Родины без ее верных сынов-коммунистов» [3, 6]. В другом труде по истории войны говорится: «Верными лакеями фашистов в проведении всех мероприятий по порабощению народа и уничтожению советских патриотов были буржуазные националисты... в том числе националистическое отребье, прибывшее в обозе гитлеровской армии» [2, 346]. Любопытно, что подобные утверждения не выбиваются из контекста пропаганды, проводившейся в годы войны. Так, в докладной записке комиссара Мглинского партизанского отряда Крупян-

ко Орловскому обкому ВКП(б) от 7 апреля 1943 г. говорится, что «в основном предателями оказались бывшие офицеры, эсеры и ряд отбросов советского общества» [4, 382]. Однако в действительности подбор кадров сельских старост осуществлялся с учетом их опыта работы при советском режиме. При этом на должности старост нередко попадали прежние председатели колхозов и сельсоветов, счетоводы, бригадиры и прочие категории сельской интеллигенции. Так, в Калининском районе на 1 апреля 1942 г. из 138 колхозов 95 находились в оккупации, из их председателей только 18 эвакуировались и 5 находились в партизанах. Основное же количество председателей исполняло свои прежние обязанности в качестве старост и старшин. Так, старостой стал бывший председатель колхоза «Борьба» С. Харитонов, усердно выполняя все задания немецких властей. Бывший председатель Скворецкого сельсовета, член ВКП(б) Н. Лукин дезертировал из партизанского отряда, сдал оружие немцам и стал старостой. Председатель колхоза «Красный Путиловец» Усвятского района Смоленской области, кандидат в члены ВКП(б) В.Т. Буков, будучи призван в РККА, дезертировал, вернулся домой и был назначен старостой. Завуч Церковищенской сельской школы того же района, член ВКП(б) М.И. Миронов, также, дезертировав из РККА, стал старостой. Бывший бригадир полеводческой бригады, кандидат в члены ВКП(б) П.Ф. Шутров зарегистрировался в немецкой комендатуре, вскоре был назначен старостой, при этом неоднократно водил немецкие карательные отряды в места дислокации партизан⁶.

Докладная записка представителя ПШ на Брянском фронте старшего майора госбезопасности Матвеева и заместителя начальника разведотдела майора Быстрова в ЦШПД от 1.12.42 констатирует, что «обычно старостами немцы ставят... предателей из числа бывших советских работников – председателей колхозов, сельсоветов, бывших членов ВКП(б)»⁷. Согласно той же докладной записке, «иногда сельские старосты избираются населением или назначаются немецкими властями из честных советских людей, пользующихся авторитетом у населения»⁸. Один из партизанских документов ЗШПД утверждает, что часть оставшихся за линией фронта членов ВКП(б) добровольно изъявила желание сотрудничать с оккупантами⁹. Согласно выводам А.Ю. Попова, определенная часть

работников советского аппарата управления стала активно сотрудничать с оккупантами, а на должности старост довольно часто попадали именно председатели сельских советов и колхозов [5, 73]. Причем в некоторых случаях бывшие председатели колхозов сами предлагали немцам свои услуги, выдвигая свои кандидатуры на должности старост¹⁰. Обзор формулярных дел бывших немецких пособников из числа старост по Орловской, Курской и Смоленской областям, взятых на учет в постоккупационный период органами НКВД, позволяет заключить, что не менее 1/3 из них составляли бывшие советские руководители, в том числе члены и кандидаты в члены ВКП(б). Так, из общего числа 140 «бывших немецких ставленников» из числа старост, взятых на учет Почепским РО НКВД Брянской области на 10 августа 1944 г., 50 чел. – бывшие советские и партийные работники (в основном председатели колхозов и сельсоветов), 2 – крестьяне-единоличники, 81 – рядовые колхозники¹¹. Советские партизаны также констатировали наличие в управленческом аппарате немалого числа членов ВКП(б). Так, одна из партизанских сводок, характеризуя кадровое состояние органов местного самоуправления в Стародубском районе Орловской области, сообщает: «Характерно, что немцы таких «коммунистов» не боятся, а вполне им доверяют»¹².

Контингент старост представлен почти исключительно лицами зрелого возраста – старше 40 лет, в основном, по нашим подсчетам, средний возраст сельских старост составляет 45-50 лет, около 10% составляют лица пенсионного возраста – старше 60 лет. Любопытно, что некоторые документы за подписями представителей последней возрастной категории старост написаны по правилам правописания, принятым до 1917 г.¹³.

Не менее интересно, что старосты после оккупации в ряде случаев остались на ответственных должностях и даже заняли более высокие, нежели до войны, должности. Так, бывшие счетоводы, писари, землемеры, служившие в оккупацию старостами, в большинстве стали председателями колхозов. А секретари сельских советов, бывшие в оккупацию волостными старшинами, в ряде случаев заняли должности председателей сельских советов¹⁴. Такой парадокс можно объяснить острой нехваткой руководящих кадров, в результате чего приходилось мириться с компрометирующим прошлым данной категории руководителей.

Сельский староста имел обычно в подчинении заместителя, писаря и 1-3 полицейских, являлся полным хозяином в своем селе, регулируя практически все стороны жизни населения. Так, без ведома старосты ни один житель села не имел права куда-либо выехать или пустить кого-либо переночевать. Староста и его подчиненные снабжались удостоверениями о том, что состоят на службе у немцев и имеют право передвижения на территории своей волости без пропусков¹⁵. Староста имел право свободного хождения по деревни в любое время суток, тогда как для остального населения покидать жилища разрешалось лишь в светлое время суток, как правило, до 18.00 – часов зимой, до 21.00 часа – летом¹⁶. За свою службу староста и его аппарат получали зарплату, размер которой зависел от количества населения в деревне. Так, зарплата старосты колебалась от 300 до 450 рублей, заместителя – от 200 до 250 рублей, писаря – от 200 до 300 рублей, полицейского – 240 рублей плюс хлебный паек в размере около пуда зерна в месяц. Печати сельский староста не имел, заверяя выдаваемые им документы либо своей подписью, либо своей подписью и печатью волостного управления¹⁷.

На сельского старосту возлагалась обязанность не только первичного учета населения, но и определения его политической благонадежности, для чего староста вел соответствующую учетную книгу. В отдельных селах старосты по своему личному произволу устанавливали тотальный контроль за всеми сторонами жизни населения. Так, в ряде сел Хотынецкого района Орловской области (Алехино, Суханка и др.) старосты запретили девушкам выходить замуж по собственному желанию, выдавая девушек замуж по своему усмотрению [4, 66]. Помимо учета населения, определения его политической благонадежности, выполнения предположений, обеспечения правопорядка в населенном пункте, на старосту могли быть дополнительно наложены иные специфические обязанности. Так, военный комендант слободы Ольховатка Воронежской области Линдеманин обязал всех председателей колхозов (старост) в преддверии вступления союзнических Германии венгерских и итальянских войск, принять меры по предотвращению с их стороны мародерства. В приказе от 6 августа, в частности, говорилось: «Вступают итальянские и венгерские войска. Всем председателям колхозов надо позаботиться о том, чтобы убрать весь скот

подальше от проезжих дорог, так как эти войска будут беспощадно забирать и резать скот. В случае, если скот будет отобран насильно без разрешения, надо немедленно заявить коменданту»¹⁸.

Что касается произвола со стороны сельских старост, он в ряде случаев выходил за все мыслимые рамки. Так, в Стародубском районе Орловской области старосты нашли оригинальный способ уклониться от продовольственного налога, распределив причитающийся с них и с полицейских налог между жителями сел¹⁹. При сборе продналога старосты нередко допускали злоупотребления, завышая налог, свидетельством чему служат многочисленные письменные претензии со стороны волостных старшин и районных бургомистров. Так, старосте д. Жуковка Унечского района Орловской области районный бургомистр Старовойтов писал: «Для Германской армии, по распоряжению начальника полиции, Вы должны были взять в каждом дворе по 1 гусю. Вы же у г-на Болшунова взяли 4-х гусей, поэтому Вы должны выполнить распоряжение нач. полиции и возратить ему 3-х гусей»²⁰. Любопытна одна из публикаций в «Погарской газете» (Орловская область), вышедшая в мае 1942 г. В ней констатируется «поток жалоб на незаконные действия некоторых старост», в числе недостатков старост упоминаются «грубость, самодурство, пьянки, разрешение большинства вопросов за выпивкой с одурманенными мозгами, а иногда и пристрастное решение дела за взятку или по родственным или дружеским связям» [6]. Статья заканчивается предостережением недобросовестным старостам: «Придет время, когда народ сбросивший цепи большевистского рабства, произнесет свой суровый приговор над негодными членами общества» [6].

Однако фактически абсолютная власть старосты формально была ограничена, в частности, тем, что староста являлся лишь «исполнительным органом» волостного старшины и не имел права принимать самостоятельные решения, управляя только по указаниям и поручениям волостного старшины²¹. В деревне, где жил волостной старшина, староста не назначался – его обязанности одновременно выполнял старшина.

Несмотря на большую власть, староста больше, чем кто-либо иной, подвергался опасности со стороны немецких властей. Так, за сбор и сдачу немцам урожая, за спо-

койствие населенного пункта от партизан отвечал, часто жизнью, прежде всего староста и его семья, а потом все село [1, 23]. Жители пос. Переторги Брянской области засвидетельствовали автору, как в одной из близлежащих деревень погибли двое немецких военнослужащих. Староста к этому был непричастен, напротив, был настроен резко антисоветски, свои обязанности исполнял с усердием. Тем не менее по приказу офицера СС немцы, собрав всех жителей, устроили показательную расправу над семьей старосты. Одну из дочерей старосты по приказу офицера публично обнажили, затем отрезали ей груди. По окончании издевательств вся семья старосты и он сам были расстреляны. В д. Мякотино Погорельского района Калининской области 1 мая 1942 г. за непринятие мер к четверым жителям деревни, хранившим оружие, вместе с непосредственно виновными после издевательств повешены староста С.В. Махов и его помощник П.Ф. Безобразов²². В случае совершения проступков, не направленных против интересов германской армии, староста подлежал переизбранию. Так, собранием общества «Новый путь» села Пески (Орловская область) был переизбран староста, бравший взятки с жителей села, не выдававший им положенный за выполненные работы хлеб²³.

Однако, несмотря на недостатки, старосты в целом выполняли возложенные на них обязанности, ввиду чего следует признать, что оккупантам удалось сформировать вполне дееспособный аппарат управления сельскими населенными пунктами. Этого удалось достигнуть как благодаря привлечению к работе в качестве старост бывших советских руководителей, так и ввиду вступления на путь сотрудничества с противником достаточного количества крестьян, знакомых с вопросами ведения сельского хозяйства. Эпизодические случаи сопротивления оккупантам со стороны сельских старост, саботаж отдельных мероприятий германских властей не могли в целом переломить ситуацию, ввиду чего германская армия получила

приемлемые для военного времени условия для снабжения.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ Тверской центр документации новейшей истории (далее: ТЦДНИ). Ф. 479. Оп. 1. Д. 641. Л. 98.
- ² Центр новейшей истории Брянской области (далее: ЦНИБО). Ф. 1650. Оп. 1. Д. 129. Л. 16.
- ³ Государственный архив Брянской области (далее: ГАБО). Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 14.
- ⁴ ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 14.
- ⁵ ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 13. Л. 38.
- ⁶ ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 157. Л. 2, 11, 46.
- ⁷ Российский государственный архив социально-политической истории (далее: РГАСПИ). Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 151.
- ⁸ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 151.
- ⁹ Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее: ГАНИСО). Ф. 8. Оп. 2. Д. 106. Л. 49.
- ¹⁰ ГАТО. Ф. Р-1925. Оп. 1. Д. 10. Л. 15.
- ¹¹ ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 74-75об, 76-81.
- ¹² ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 93. Л. 160.
- ¹³ ГАТО. Ф. Р-1928. Оп. 1. Д. 4. Л. 111-159.
- ¹⁴ ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 74-75об, 76-81.
- ¹⁵ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 151-152.
- ¹⁶ ГАТО. Ф. Р-1928. Оп. 1. Д. 5. Л. 36.
- ¹⁷ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 151-152.
- ¹⁸ ГАБО. Ф. Р-1890. Оп. 1. Д. 1а. Л. 1.
- ¹⁹ ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 129. Л. 22.
- ²⁰ ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 3. Л. 44.
- ²¹ ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 14, 26.
- ²² ГАТО. Ф. Р-1928. Оп. 1. Д. 9. Л. 103.
- ²³ ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 262. Л. 24.

ЛИТЕРАТУРА.

1. Гогун А.С. Партизаны против народа // Под оккупацией в 1941-1944 гг.: статьи и воспоминания / Под ред. Б.С. Пушкирева. – М.: Посев, 2004.
2. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941-1945: в 6 т. / под ред. П.Н. Поспелова. – М.: Воениздат, 1961-1965. – 6 т. – Т. 2.
3. Котов Л.В. В тылу группы армий «Центр» // Герои подполья: сб. статей / сост. В.Е. Быстров. – М., 1970.
4. Партизаны Брянщины: сб. материалов и документов БПА / под ред. В.К. Соколова. – Брянск, 1962. – Т. 2. – С. 382.
5. Попов А.Ю. НКВД и партизанское движение. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003.
6. Староста – первый и достойнейший член общины // Погарская газета. - 1942. - 17 мая.